

DOI: 10.15372/HSS20220204

УДК 392(571.15)"192/196"

И.Ю. АКСЕНОВА

ЛОКАЛЬНЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ РУССКИХ АЛТАЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ 1920–1960-х гг.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17

Статья посвящена характеристике и анализу локальных календарных обычаев русских селян Алтая в 1920–1960-е гг. Цель данного исследования – проследить трансформации социокультурных процессов в плане адаптации традиционной культуры к новым условиям существования (в условиях новой идеологии, культурной политики советского государства, антирелигиозной пропаганды и других реалий). Задачи исследования – выявить основные причины трансформационных процессов в праздничном календаре русских Алтая в 1920–1960-е гг., дать характеристику некоторым праздникам «новой советской обрядности», обозначить элементы обычаев и обрядов традиционных календарных праздников, которые были включены в сценарии новых советских праздников. В результате проведенного исследования удалось установить, что введение новых советских праздников спровоцировало возникновение новых адаптационных форм. Это способствовало формированию новой советской идентичности людей, которую позднее назвали «советикус». Исследование основано на полевых изысканиях автора в 2014–2022 гг., а также на архивных материалах Государственного архива Алтайского края и Поспелихинского архива Алтайского края.

Ключевые слова: Алтай, календарные праздники, календарные традиции, этнокультурная идентичность, самоидентификация, новая календарная обрядность.

I.Yu. AKSENOVA

LOCAL CALENDAR CUSTOMS OF THE RUSSIANS OF ALTAI AS A REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN THE 1920–1960s

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study is devoted to the local calendar customs formation of the Russians in the Altai region in the 1920–1960s. The author examines in detail the adaptation mechanisms of traditional culture in the region at different stages of this period (under the conditions of a new ideology, the cultural policy of the Soviet state, anti-religious propaganda, etc.) of the Russians in Altai. The research objectives are to identify the main causes of transformational processes in the festive calendar of Altai Russians in the 1920s–1960s, characterize the features of some holidays of the “new Soviet ritual”, designate elements of customs and rituals of traditional calendar holidays included in the scenarios of new Soviet holidays.

The study aim is to trace transformations of socio-cultural processes in terms of adaptation of traditional culture to the new, crisis conditions of existence. The research novelty is to solve the problem at the specific regional level (district, village).

As a result, the author has recorded important changes in the system of traditional calendar holidays, such as violation of the ban to work on holidays, shifts and transfers in performing rituals, changes in the recipe of festive dishes, and others. The article notes that many informants born in the 1940s and later do not remember the meanings of performing certain ritual actions, cannot explain their purpose yet. The author managed to establish some borrowings from traditional festive rituals regarding «new holiday rituals»: for example, curling birch branches with ribbons when rewarding a collective farm unit, decorating cars with birch branches (Holiday of the Russian Birch). There were a number of adaptive forms during the period of ritual rounds of courtyards on Christmas time, Maundy Thursday, Easter and Radunitsa, Trinity. The study confirms that since the late 1920s – early 1930s there was a division of views of the older and younger generations, which was expressed in relation to the «old» and «new» holidays («your» and «our» holidays). These processes influenced the formation of a new Soviet identity of people later called «Sovieticus».

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Ирина Юрьевна Аксенова – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: a_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7831-7815>

Irina Yu. Aksenova – Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

The study is based on the author's field research in 2014–2022: interviews with descendants of old-timers and settlers of Altai Region, employees of rural Houses of Culture, teachers of rural schools, librarians, leaders of folklore ensembles, etc. Besides, it uses materials from the State Archives, Pospelikhina Archives of the Altai Region.

Key words: *transforming holiday calendar, new Soviet rituals, culture transformation, customs and rituals, adaptation mechanisms.*

ВВЕДЕНИЕ

Особую актуальность в настоящее время приобретают исследования, посвященные механизмам складывания локальных этнокультурных традиций и обычаев, связанных с адаптацией традиционной культуры к новым условиям жизни. Именно культурно-бытовой фактор (обычай, религия, стереотипы поведения и пр.) наряду с исторической памятью и духовной связью с пространством (природой, ландшафтом) является решающим в формировании основы идентичности на уровне группы [Фурсова, 2019, с. 33]. На протяжении всего XX в. в календарных обычаях русских Алтая происходят значительные изменения, порожденные социальными процессами. На наш взгляд, формирование «локальных обычаев» на Алтае возможно рассматривать как способ становления «новой» самоидентификации общества. Так, рассматривая престольный праздник, к примеру, Л.А. Тульцева пишет о том, что он был знаком «идентичности», поскольку объединял конкретную социально-пространственную среду вместе с празднующим социумом в единое целое [Тульцева, 2011а, с. 66]. Для 1920–1960-х гг. характерны колоссальные трансформационные процессы, которые отложили отпечаток не только на формирование конкретных «локальных» обычаев и обрядов, но и в целом способствовали созданию «единого праздничного календаря» в сознании жителей Алтая.

По воспоминаниям наших информантов, в их детстве (в 1930–1950-х гг.) сложилась интересная ситуация: «Праздники праздновали и «старинные», и советские». (Пономаренко А.Н., 1929 г. р., с. Коробейниково, Шипуновский район). Момент «признания» новых праздников, включения их в традиционный праздничный календарь также подчеркивается информантами, детство которых пришлось на военные и послевоенные годы. «Мама все праздники признавала, готовились, праздновали» (Уткина В.А., 1938 г. р., с. Усть-Пристань, Усть-Пристанский район). За этими высказываниями скрываются стремительные изменения в социальной и культурной среде, произошедшие в 1920–1960-е гг. В связи с этим данная тема требует, на наш взгляд, детального рассмотрения.

Вся жизнедеятельность людей была подчинена высшему порядку, реализовывавшемуся через последовательность календарно фиксированных ритуально-праздничных циклов [Тульцева, 2011в, с. 340]. Анализ материалов, полученных в ходе этнографиче-

ских экспедиций в 2014–2022 гг., позволяет заключить, что информанты, рожденные в 1920–1930-х гг., при описании календарных праздников располагают их в связке один за другим: «Их три праздника идут: 17 декабря – Варвары, 18 – Савы, а 19 – Никола зимний. Летом он 22 мая – летний» (Горохова М.Ф., 1929 г. р., с. Гилев Лог, Романовский район). Часто друг за другом описывают Спасы: «14 августа – первый Спас, Медовый, 19 августа – второй, Яблочный, потом 29 – третий Спас, Хлебный» (Мишина Е.И., 1927 г. р., Кособоково, Шипуновский район). Таким же образом рассказывают о постах: «Есть Мясоед, Петровка, Филипповка и Великий пост» (Рытвина А.С., 1924 г. р., Коробейниково, Усть-Пристанский район).

Некоторые информанты старшего возраста объясняют временные рамки соответствующих событий, характерных для того или иного дня или периода: «Свадьбы играли в мясоед, на Масленку идут, играют. Опять же до Петрова дня не было свадьбы. А сейчас играют» (Горохова М.Ф., 1929 г. р., с. Гилев Лог, Романовский район).

Особенно полно описывают предпасхальные и пасхальные традиции: «В субботу красят. Завтра-то уже «Христос Воскрес»! А следующее воскресенье – Красная горка называлась, но яйца эти же. А потом есть специальный день – Помины. Поминать родителей» (Ананьева О.А., 1931 г. р., старожил, с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). К некоторым праздникам информанты добавляли приметы и поговорки: «14 марта бывают «Евдоки». «Евдоки – с гор потоки» все назывались. Таять уже будут. «Сороки» – это 22 марта. Сорок птичек прилетят, 40 холодов принесут. А 30 марта будет «Теплый Алексей». Уже тада тепло. А 8 апреля «Болговещенье». На этот праздник «птица гнезда не вьет, девка косы не плетет». А дальше Пасха (Бирюкова М.И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район).

Многие информанты, рожденные в конце 1930-х–1940-х гг., редко системно выстраивали рассказы о традиционных календарных праздниках, уделяя внимание лишь некоторым из них: Новый год, Рождество, Масленица, Пасха. Часто ими дается перечисление советских и «старых» праздников как дополняющей друг друга «единой системы праздников»: «При моей памяти – 7 ноября, на Новый год, 1 мая собирались, на Троицу может быть, но на Пасху было запрещено» (Мишина Е.И., 1927 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район). Интересны некоторые

формулировки о православных и советских праздниках, находящихся по времени близко друг к другу: «У нас в Обьездном было «Казанское»¹ (под 7 ноября) 4 ноября (Бирюкова М.И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район). Или, к примеру, подчеркивается единое празднование православных и советских праздников: «А у нас тут соседка была, дак она ветку большую на ворота прибить на Троицу, а када 9 мая, она флаг вывешает! Учительница была. Она все праздновала!» (Копытова Г.Ф., 1924, с. Гуселетово, Романовский район). На нашу просьбу перечислить праздники, которые праздновались ранее, некоторые информанты, рожденные в военные и послевоенные годы, дают перечисление лишь советских праздников. Они объясняют любовь к советским праздникам их торжественностью, массовыми гуляниями, награждениями за доблестный труд, концертной частью: «7 ноября, День победы! На 9 мая – все митингуют, потом все идут гулять. 1 мая – это всегда. Потом день молодежи! Очень любила я эти праздники!» (Панина Н.Н., 1940 г. р., с. Пристань, Усть-Пристанский район).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАЗДНИЧНОГО КАЛЕНДАРЯ В 1920-е гг.

По мнению И.И. Шангиной, «перевоспитание» крестьян началось с борьбы за новый быт, за отказ от народных традиций и прежде всего за отказ от празднично-обрядового календаря, который с его приметами, ритуалами, верованиями, магическими действиями, богатым фольклором продолжал определять ритм жизни крестьян и в 1920-е гг. [Традиционная культура, 2016, с. 454]. По данным наших исследований, в конце 1920-х–1930-е гг. происходят нарушения в отношении запретов на работу в праздничные дни: «Кто их раньше праздновал? Все работали, рабочая бригада, душили как...» (Кузьменко М.Е., 1929 г. р., с. Усть-Порозиха, Шипуновский район). Однако в это время во многих селах все же остается обычай воздерживания от работы: «Святки – это от Рождества до Крещения. Это больше в церковь ходили каждый день, покушать старались получше, отдохнуть. На Святках все же воздерживались от работы. Молодежь колядовала, ходили по дворам, женихов спрашивали. (Мишина Е.И., 1927 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район).

Как отмечает С.И. Бондаренко, лозунги и призывы партии «Лицом к деревне», «Крестьянин – активный участник новой жизни», утверждение, что без поворота крестьянства в сторону советской власти новая жизнь не будет построена, оставались лишь лозунгами [2018, с. 28]. Из рассказов информантов вид-

но, что крестьяне дистанцируются от таких призывов к новой жизни, ссылаясь на грубость и навязчивость представителей новой власти. Это обстоятельство наложило отпечаток на святочные традиции: «Тада по дворам ходили, славили. Собирались человека 3–4, молодые девчонки, по дворам ходили, да тада еще такие были, что двери запирали, не пускали. Считали, что советская власть агитирует» (Рытвина А.С., 1924 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). Из рассказа информанта следует, что некоторые семьи не открывали дверь «славильщикам», считая их агитаторами новой советской власти.

Одним из важнейших факторов, повлиявших на трансформацию системы обычаев календарных праздников в селах, являлось закрытие и разрушение церквей в 1930-е гг., проведение антирелигиозной пропаганды. Это вело к разобщению религиозных взглядов внутри семьи, конфликтам, непониманию старшим поколением «иногo отношения» к вере младших поколений. «Я помню, у нас такие иконы были красивые, а отец (партийный), был председателем колхоза. А дед был богомольный. Все при должности. Дед на колени утром и вечером садился, молился. Отец пришел и сказал, чтобы все иконы убрать на чердак. Дед умопомрачился, как так? А тут убрали большие иконы. Маленькую поставили на полку, закрыли занавеской, дед откроет, помолится и закроет. Так он заболел от этого, что убрали красивые», – вспоминает информант Е.И. Мишина. Нередко информанты, описывая отношение к вере и реалиям первой половины XX в. своих матерей, отцов, бабушек и дедушек, указывают на то, что их уважали, и, несмотря на постановления о запрете держать дома иконы, ничего не делали против их воли: «Тада же были старики-то горяченькие. Что ты не ставил и иди, не убирай. Ну ругали мужичье, ну уважали их» (Щапова Н.П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район). «У меня у мамы и свекрови были иконы в Андреевке, они с 1912 года рождения». Повсеместно распространены рассказы о том, что старшее поколение игнорировало угрозы и просьбы от представителей новой власти снять иконы: «Так они ничего не принимали и ничего не боялись. У них висели» (Абакумова В.И., 1945 г. р., с. Коробейниково, Шипуновский район).

8 апреля 1929 г. было опубликовано постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Согласно постановлению устанавливался запрет на проведение «каких-либо религиозных обрядов и церемоний культа, а также помещение каких-либо предметов культа». Он действовал «во всех государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях», за отдельными исключениями. При этом порядок действия постановления разъяснялся иными подзакон-

¹ Праздник Казанской иконы Божией Матери.

ными актами. Условия проведения религиозных обрядов в домашних условиях были прописаны в инструкции № 328 НКВД РСФСР «О правах и обязанностях религиозных объединений» от 1 октября 1919 г. В ней указывалось, что «отправление в семье, в изолированных комнатах или квартирах всякого рода религиозных обрядов, как-то: молебнов, панихид, крещения, принесения на дом икон и т.п., происходит без разрешения или уведомления органов власти. В комнатах общего пользования отправление религиозных обрядов может быть совершаемо только при наличии согласия всех проживающих в них или пользующихся этими комнатами» [Батченко, 2017, с. 320]. Это вынуждало крестьян проводить традиционные обряды в домашних условиях. Освящение яиц и выпечки во Всенощную совершалось в избе у одного из сельских жителей. Старые иконы использовали также при освящении пасхальных яств дома. «А когда в церковь не ходили, дома молитвы читали, читали бабушки верующие, приходили, псалтыри читали. Дворов 5 собираются в 1 двор, она читает молитвы, чтобы окропить “паску”, пирожочки всякие приносили» (Ананьева О.А., 1931 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район).

Как видим, сохранение культурной памяти лежало на плечах пожилого поколения, преимущественно женщин. Совершение пасхальных обрядов являлось, на наш взгляд, в некотором смысле подтверждением собственной идентичности. Отметим, что представители старшего поколения старались привлекать к обрядовым практикам детей, обучали их молитвам.

РОЖДЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период Святков и на Рождество, как отмечают информанты, местным жителям приходилось работать, нарушая традиционные запреты: «В войну, можно сказать, что и не праздновали праздники. И в Рождество все равно работали» (Копытова Г.Ф., 1924 г. р., с. Гуселетово, Романовский район). На праздники можно было отпроситься из бригады при условии успеть вернуться в срок: «Ну если ты попросишься, то тебя отпустят с бригады ... в баню сходить или на праздник. Они тебе: ну иди, ну чтоб ты к работе успела» (Козлова З.Н., 1931 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). Встречаются рассказы, где информанты вспоминают, что отказывались участвовать в обходах, выбирая остаться в бригаде: «Я в бригаде была, не славила» (О.А. Ананьева, 1931, старожил, с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). По данным экспедиционных записей, постепенно знания содержания обрядовых обходов дворов забываются молодым поколением, поэтому возникают конфликтные ситуации: «Мы пришли с девочками сеять, а нас бабушка прогнала! Сеют на Новый

год, сказала, только мальчики!» (Чеботарева А.И., 1933 г. р., с. Усть-Порозиха, Шипуновский район). Таким образом, мы видим резко негативное отношение к «слову» старых смыслов новогодних обрядов среди старшего поколения по отношению к младшим. По мнению И.А. Морозова, ключевым фактором является возникающий межпоколенческий разрыв в мировоззрении, установках, ценностях, оценках... [2015, с. 5]. Рассматривая трансформацию функциональной основы праздника, исследовательница Л.А. Тульцева отмечает, что стали утрачиваться, забываться и стираться из памяти тончайшие механизмы ритуальной последовательности или ритуального порядка праздника, понимания семантики того или иного действия, в том числе понимания сакральной значимости каждой возрастной категории старых и молодых участников праздника [2011, с. 231].

Вследствие снижения материального благосостояния крестьянства в военное время обрядовые обходы дворов становились дополнительным источником пропитания. Это также зафиксировано в приговорке, записанной в с. Гилев Лог Романовского района: «Рождество твое-мое, тятка, дайте, что у вас «е»!».

По нашим полевым материалам, запреты на обходы дворов в канун Рождества в Алтайском крае фиксируются для 1940-х гг.: «Да, «вафлиемскую-то» звезду делали, носили. Раньше-то, конечно, деды. А при мне-то нет, могли и срок дать» (Щапова Н.П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район). В связи с этим обходы дворов в ряде районов совершались преимущественно вечером: «Вечером побегут славить, а в школе спросят: «Славили»? А они ответят – «не-не!» (О.А. Ананьева, 1931, с. Коробейниково, Усть-Пристанский район).

Украинские переселенцы, как и другие восточнославянские переселенцы большое значение придавали обрядам новогодья называвшимся, как и у русских, «Святками» [Фурсова, Васеха, 2004, с. 26]. Приведем описание одного обряда, записанного от украинских переселенцев, исполнявшегося в послевоенные годы: «Як вытягивали из печки, несли и казали. На пороге сядеш: “квок-квок, кутя на покути”². То кажут, чтоб куры квоктали, чтобы квочки были, цыпушки водились. В хату лицом. 3 раза кричали! Никто ниче не отвечал. Детьми не квокали еще. Як же я замуж вышла, тада квокала. Должна делать женщина замужем, хозяйка. Мы уже при советской власти женилися, тада еще делали» (Василенко М.С., 1927 г. р., с. Мамонтово, Мамонтовский район). Таким образом, даже в сложное военное и послевоен-

² «Покуть (святый кут)», расположенная по диагонали от печи, занимала особое место в жизни украинцев [Фурсова, Васеха, 2004, с. 184].

ное время сохранялось празднование больших религиозных праздников (Рождество, Пасха, Троица), несмотря на запреты, идеологическое и психологическое давление со стороны советских органов. Отметим, что в военное и послевоенное время в домах собирались женщины для пения молитв в канун Рождества: «В нашем доме собирались, я маленькая была. К нам даже из Быково приезжали, церкви-то были уже разрушены» (Боброва Л.А., 1945 г. р., с. Хлопуново, Шипуновский район).

ПАСХА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война многими информантами отмечается как тяжелое время, когда было «не до праздников». «А в войну какие были праздники? Ничего не праздновали! Но большие праздники никто не обходил» (Панина Н.Н., 1940 г. р., с. Пристань, Усть-Пристанский район). Одним из результатов ухудшения экономической ситуации стала вынужденная трансформация календарной обрядности, характеризовавшаяся адаптацией к новым условиям. В праздновании Рождества, Пасхи, Троицы и других праздников мы фиксируем изменения прежде всего в подготовке праздничного стола. Так, в сельской местности в годы Великой Отечественной войны приготовление «пасок» не фиксируется повсеместно, а в некоторых семьях не считалось обязательным. Прежде всего, это было связано с сокращением набора ингредиентов, необходимых для выпечки сдобных пасхальных куличей (молоко, масло, яйца, сметана, сахар и др.). Нередко количество ингредиентов для выпечки куличей ограничивалось или заменялось имевшимися на тот момент продуктами: «А мы с чего “паску” пекли? Нам дадут немного муки ржаной. Мы картошечку, тыкву потолком, дрожжей туда, а дрожжи сами варили. Пойдем в забочку, нарвем хмель, его заквасим, и стряпали колобочки такие, да еще картошечки вырежем, да на эту булочку³ положим. Немного тесто разрежешь и в булочку в эту положишь, она не вывалится. Она туда воткнется, жаром обдастся. Так ее, эту булочку, об дорожку не разобьешь!» (Козлова З.Н., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). Продукты старались готовить заранее, считалось важным припасти яйцо на каждого члена семьи.

Главное ритуальное действие на Пасху – это посещение кладбища с целью «помина» родителей [Корнева, 2012, с. 27]. По нашим исследованиям фиксируется посещение кладбищ в военное и послевоенное время наряду с существующими запретами: «Нам запрещали ходить на кладбище. Если только узнают,

в школе втык будет. За матерью пошлют, или там матери поддаст директор. А шо было такого? Поминать родителей – это святое!» (Щапова Н.П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район). Отметим, что в этой связи посещение могил совершалось порой тайно, в вечернее время.

В период Великой Отечественной войны нарушение запретов на работы в праздничные дни продолжалось: «А в колхозе кто праздновал праздники? Нас в колхозе на первый день Пасхи заставляли контору белить! Белили, а что сделаешь?», – вспоминает М.И. Бирюкова (с. Шипуново, Шипуновский район). Фиксируются случаи, когда на Пасху не пускали праздновать домой из бригады: «Уже в бригаде жили. Приехал бригадир: О! Девщонки! Зря я вас не пустил домой! Там бабки как “в круга” играют, как поют! Сами бабки играют, поют. Это раньше старики ходили, а советские уже не ходили, не понимали. Мы не ходили домой на праздники, нам в бригаде лучше было (Сотникова Е.М., 1929 г. р., с. Гуселетово, Романовский район). Такие ограничения были элементами антирелигиозной пропаганды. Они могли инициироваться на местах управляющими, председателями колхозов, бригадами, т.д.

Отметим перенос по времени исполнения обрядовых омовений на Чистый четверг. Как известно, истопить баню и вымыться в ней необходимо было до восхода солнца. Однако, по замечаниям информантов, время обрядового омовения возможно было сдвинуть, если была необходимость в работе: «Раньше в Чистый четверг старались баню истопить до восхода солнца, надо ночью встать и начинали топить ее. И до восхода вымыться. Это тогда считалось уже обрядом. А если не получалось, топили только вечером» (Мишина Е.И., 1927 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район).

ТРОИЦА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Некоторые троичные обряды в военное время воспроизводились девочками, одноклассницами. «Кумились как. На Троицу стулья унесем туда в кусты, квасу нальем, кто картошки, кто че. Принесем, стол закроем какой-то тряпкой, стопочки принесем, стаканы ли... Вот квасу этого наливаем, стукаемся: Вот ты кума, ты кума. А ребятишки с нами нет. Они нет. Ну лет 11 было. Наши ровесники, в школе какие ребятишки были. И наши с нами не ходили мальчишки со школы» (Бирюкова М.И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район). Были случаи, когда девушки в бригадах плели венки на Троицу большего размера и вешали их через плечо: «Троица – венки, мы лазоревые цветочки, венок сделаем на голову и такие, как военные, на грудь вешали цветы, как выпускни-

³ Здесь: «булочка» – кулич.

цы, лента – через плечо. Мы вот такие веночки делали. А дома – любую траву на пол ставили. И березовые веточки на полу клали. Песни пели» (Козлова З.Н., 1931 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район). Утрата смыслов традиционных обрядов продолжалась среди молодого поколения.

Интересные ситуации возникали в семьях, где родители были коммунистами, а старшее поколение все же придерживалось исполнения традиционных обычаев: «Нет, у нас в семье не верующие, не знаю. Никто не показывал, что они верующие. А мы веточки сосны, лапки эти и березу – венки с них вешали, на дом на ворота и везде» (Чернышев В.И., 1936 г. р., с. Пристань, Усть-Пристанский район). Украшение дома на Троицу остается в военное и послевоенное время, в том числе в семьях коммунистов.

В осенний период отмечалось совместное времяпрепровождение в женском кругу за рукоделием: «У каждого в хате собирались. Кто принимал, к тому приходили прясть. Это после войны больше, ну и в войну было. Кто с коноплем, кто с шерстью, кто с семечками» (Павленко А.Г., 1939 г. р., с. Кашино, Алейский район).

В отношении других традиционных праздников также фиксировалось исполнение обрядов, скрытое от общественности: «Вербочками били на Вербное Воскресенье, а чего говорили, не помню. Ну это было раньше. Это мы-то уж че... при “советской” были. Бабушка втихаря тебе сделает, и то потому, что нельзя было во всеуслышание» (Щапова Н.П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район).

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ

В 1950–1960-х гг.

Большую надежду в борьбе с традиционными праздниками партийные деятели возлагали на организацию новых советских праздников, которые, как они предполагали, могли бы быстро вытеснить старые, превратив последние в собрание устаревших обычаев, пустых условностей, никому не нужных ритуалов [Традиционная культура ..., 2016, с. 467]. Период 1950-х – начало 1960-х гг. ознаменовался строительством большого количества культурных объектов. В селах Алтая начала формироваться и распространяться социалистическая обрядность, утверждались массовые советские праздники. Так, в отчетном докладе крайкома КПСС на VIII краевой партийной конференции о работе культпросветучреждений от 16–17 января 1956 г. говорится: «... За отчетный период построено 103 колхозных клуба и 4 районных дома культуры, открыто 210 новых библиотек. ... За два года число кинозрителей увеличилось почти в два раза и составило 20 миллионов человек. Значительно выросла киносеть. За два по-

следних года радиофицировано 103 тысячи квартир трудящихся, 236 колхозов и 20 новых совхозов...»⁴.

В 1950-х гг. в Алтайском крае был прочитан ряд лекций антирелигиозной направленности. В справке отдела культпросветработы крайисполкома крайкому профсоюза о работе Тогульского районного дома культуры отмечалось: «В 1950 г. в нем прочитано 45 лекций, которыми охвачено около 8 тыс. слушателей. ... Среди прочитанных лекций: ... “Происхождение Пасхи и ее реакционная сущность”» [Культурное строительство, 1990, с. 136]. В качестве иллюстрации антирелигиозной пропаганды посредством кинопоказов в начале 1960-х гг. приведем рассказ учительницы английского языка Шипуновской средней школы им. А.В. Луначарского Т.Я. Билан: «В этот день в заводском клубе по традиции показывали фильм “Чудотворная”, суть сюжета о том, как верующая бабушка довела почти до самоубийства своего внука, который нашел икону. Водили на этот фильм нас учителя или настоятельно рекомендовали сходить на просмотр. Года три подряд смотрели один и тот же фильм. Надо было видеть после того, как юные атеисты, ученики начальных классов, заходили в клуб, вся площадь перед ним была усыпана разноцветными скорлупками. Перед просмотром угощали друг друга куличами и нещадно бились принесенными из дома яйцами. Фильм “Чудотворная” оказывал на меня большое впечатление, мне было жалко. Это была начальная школа, нас водили его смотреть в 1961–1963 гг. Это кино показывали в воскресенье на Пасху» [Билан Т.Я., 1953 г. р. Шипуново, Шипуновский район]. Так формировалось негативное отношение к вере у учащихся. Однако, несмотря на запреты, крашенные яйца все же приносили в школу, брали с собой на кинопоказы.

В 1964 г. в Сростках впервые в крае были введены новые обряды регистрации новорожденных и праздник Русской березки. За подготовку и проведение мероприятий отвечала районная библиотека во главе с Д.И. Фалеевой и заведующей детской библиотекой Л.М. Воеводиной [Бийский район, 2005, с. 380]. По материалам Поспелихинского архива, новые обряды и праздники (включая Праздник урожая, Проводы русской зимы) вводятся с сентября 1964 г. В документах отмечается, что новые по содержанию, советские по духу, они были восприняты населением и стали неотъемлемой частью культурно-просветительной работы⁵. Как следствие, в середине 1960-х гг.

⁴ Поспелихинский архив Алтайского края (ПААК). Ф. 1. Оп. 99. Д. 1. Л.166–167.

⁵ ПААК. Ф. Р-67. Оп. 1 Связка 4. Ед. хр. 16. Переписка отдела культуры по проведению праздников в районе с 1966 года. С. 8.

происходят интегративные процессы элементов традиционной и советской обрядности, которые различным образом проявлялись в указанных районах. Приведем несколько примеров из полевых интервью. «“Праздник Русской березки” у нас сначала назывался “Праздник борозды”. Он приурочивался как раз под время Троицы. Поскольку символ Троицы – это береза, его стали называть “Праздником русской березки”. И в начале лета, когда как выпадало, устраивались огромные праздники в колхозе. Мы, артисты, готовили программу концертную с посвящениями тому или иному человеку. Девчонки обычно бежали в поле, собирали цветы, плели венки. Членам бригады вручали цветы, а на березу ленточку привязывали. В конце праздника все нижние веточки березки оказывались завязанные. Это где-то 1958–1965 гг., помню» (Конради Н.А., 1947 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район). «У нас в Локтевском районе проходили конные скачки. Объявлялся старт, и вот несколько всадников до определенной черты километров 5–7 скакали, кто там первый – были награды. Именно в день “Борозды” было. Это 1950–1955 гг.» (Парфиевич А.В., 1941 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район).

Из официальных документов о массовых мероприятиях следует, что массовые праздники были поддержаны населением: «Провести по окончании сева массовые праздники песни, с выступлением на них хоровых коллективов, совхозов, РТС и т.д. (июнь)... Огромный патриотический и творческий подъем в коллективах художественной самодеятельности вызвали решения XXI съезда партии, открывшие великие перспективы развития социалистической культуры, подъема народного творчества»⁶. Общий подъем в послевоенные годы, участие многих жителей в подготовке к праздникам подтверждается во многих интервью: «Праздник Русской березки – в тополях ставили торговые палатки (съезжались из других сел торговцы), местные жители приходили на выступления агитбригад (концерт с советскими песнями), стелили в тополях на полянах одеяла, покрывала, устраивали гулянку, кушали, выпивали, танцевали (Головина Н.К., 1943 г. р., с. Хлопуново, Шипуновский район). «Это когда отсыялись, был День борозды. В колхозе, там сад был, они ставили бражку и столы. И гудели, и пели. Это называлось День борозды. Концерты были» (Чернышев В.И., 1936 г. р., с. Пристань, Усть-Пристанский район).

В некоторых селах, как отмечают информанты, случались совпадения во времени проведения праздника Русской березки и Троицы: «Если Троица попа-

дала под “Борозду”, то праздновали. Тогда в бор возили нас машинами, продавали, лавки были ... Там Войково, Воробьево, Порзиха, Кособоково. Все равно праздник. Бабушки сами празднуют. Мы туда. Мы были пионеры, комсомольцы. Это 1950–1960 гг.» (Никулина Т.И., 1947 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район). Как видно из рассказа, старшим и младшим поколениями праздновались одновременно два праздника – Троицы и Праздник борозды.

Разногласия по празднованию Троицы все-таки проявлялись в выговорах со стороны руководства в 1960-е гг.: «У нас соседка украшала дом березой, березовыми ветками. А муж у нее ездил за доярками. ... [Он ругался], а она, тетя Галя, хохлушка Козлова, и травы накидывала в машину, ветками туда залезет, навтыкает в машину, говорит, а теперь езжай за девками на ферму. Типа так дуги делали и украшали машину. Там ругаются все, а она говорит: “А у нас Троица!”. Ругались, что нельзя, советские же годы» (Максименко Л.Н., 1952 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район). «У нас мама не праздновала Троицу, ... в школе работала» (Кривошляпова Т.Г., 1963 г. р. с. Кособоково, Шипуновский район).

Старшее поколение игнорировало рабочие дни в дни больших праздников. Приведем пример из с. Кособоково: «Теть Рая Метрохова, тетя Зоя Черемухина, они все: “Троица!”. Как раз ремонт в школе начинался, они так на бугорок ... выйдут и песняка. В общем, как воскресенье же, Троица, они отмечают. И на второй день опять сидят на бугорке, поют. Им говорят: “В школе сейчас же ремонт!”, а они отвечают: “А у нас Троица. Три дня, Иван Васильевич, не жди!” – и смеются. У нас атеизм, а им все равно. 1932, 1937 года рождения бабушки!» (Быструшкина Н.Т., 1949 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район).

Из сказанного следует, что для 1950–1960-х гг. характерно сочетание традиционных праздников с «новой советской обрядностью». Изменение праздника являлось частью общих трансформаций, происходивших в культуре этноса под воздействием различных факторов: социально-экономических условий его жизни, политического строя, общественного сознания, выраженного в изменениях системы ценностей [Фролова, 2006, с. 13]. На наш взгляд, этот период можно обозначить как адаптационный, когда местные жители применяли элементы из традиционной праздничной обрядности в новых советских праздниках, и наоборот. За фактом трансформации структурных составляющих традиционного праздника, его празднично-обрядовых стереотипов и моделей поведения разных социально-возрастных групп открываются новые горизонты исследования и понимания его роли в культурных и социальных процессах каждого народа [Тульцева, 2011б, с. 3].

⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1062. Оп. 1. Д. 4: Планы, работы, переписка за 1957–1962 гг. С. 160.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, спущенная сверху ориентация на новые культурные веяния, коммунистические идеалы и ценности в указанный период способствовали изменению духовного багажа людей, повлекли за собой череду трансформационных процессов в духовной жизни крестьян. Это отразилось на обычаях и обрядах народного праздничного календаря, в частности, на «главных», «больших», по словам информантов, православных праздниках (Рождество, Пасха, Троица).

Уже с конца 1920-х – начала 1930-х гг. происходит разделение взглядов старшего и молодого поколений, что выражается в отношении к «старым» и «новым» праздникам («ваши» и «наши» праздники). Важные изменения прослеживаются в системе традиционных календарных праздников в отношении запретов на работы в праздничные дни (принудительная коллективная работа в селе даже в большие праздники, работа в бригаде), отмечается сдвиг во времени исполнения некоторых обрядов (омовения в Чистый четверг в вечернее время, посещение кладбищ в вечернее время и т.п.).

Говоря о традиционной праздничной обрядности в годы Великой Отечественной войны, мы фиксируем празднование таких праздников, как Рождество (и период Святки), Пасха, Троица. Обрядовые обходы дворов продолжались на Святки. В первой половине 1940-х гг. пасхальные куличи делали из тыквы или очисток от картофеля, в некоторых семьях выкладывали кресты на выпечке вырезками из картофеля. Зафиксирована практика схода женщин в одном доме и пения молитв на Пасху (Всенощное бдение) и в канун Рождества. Основными хранителями и проводниками традиций являлись чаще всего старшие в роду женщины.

Как свидетельствуют полевые исследования, в 1950–1960-е гг. в советской и традиционной праздничной обрядности появились новые адаптационные формы. Можно указать на завязывание лент на березе на Праздник русской березки при награждении звеньев в бригаде, ношение венков «через плечо» девушками в бригадах на Троицу, практику украшать березовыми ветками машин для сельскохозяйственных работ в колхозах на Троицу. Постепенно при сохранении форм самих обрядов понимание смыслов стиралось в сознании молодых поколений. Это способствовало складыванию новой системы праздников, формированию новой советской идентичности сельских жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батченко В.С. Постановление «О религиозных объединениях» 1929 года и провинциальные религиозные общины // Исторические записки. 2011. № 14 (132). С. 215–235.

2. Батченко В.С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законодательстве на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестн. церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 305–331.

3. Бийский район: История и современность: сб. стат. / под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: БГПУ, 2005. Т. 2. 530 с.

4. Бондаренко С.И. Культурно-просветительная работа в деревне в 1920-е гг. // Уч. зап. (АГИК). 2018. № 2 (16). С. 27–30.

5. Корнева В.Ю. Зерновой код в календарной обрядности русских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 188 с.

6. Культурное строительство на Алтае. 1941–1977. Документы и материалы: сб. стат. / под ред. В.С. Петренко. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. Т. 2. 264 с.

7. Морозов И.А. Локальные традиции и меняющиеся идентичности // Этнографическое обозрение, 2015. № 2. С. 5–14.

8. Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие: сб. стат. / под ред. В.А. Липинской. М.: Индрик, 2016. 616 с.

9. Тульцева Л.А. Ритуально-возрастная стратификация крестьянских сообществ в обрядности Средокрестного дня (по материалам полевых исследований 1986–1993 гг.) // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему: сб. стат. и очерков. М: ИЭА РАН, 2011. С. 231–259.

10. Тульцева Л.А. Русский праздник и демография в XX – начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2011а. №. 4. С. 64–74.

11. Тульцева Л.А. Традиционные праздники народов России на рубеже столетий: введение в дискуссию // Этнографическое обозрение. 2011б. № 4. С. 3–6.

12. Тульцева Л.А. «У Бога Света всего dospeto»: сакрально-световое пространство русских святков и новые поколения рода-племени // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему: сб. стат. и очерков. М.: ИЭА РАН, 2011в. С. 259–344.

13. Фролова А.В. Праздники русских Архангельского Севера в XX – начале XXI века (традиции и инновации): автореф. дис. на соискание канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.

14. Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2004. Ч. 1. 190 с.

15. Фурсова Е.Ф. Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX – XX веков) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 30–34.

REFERENCES

1. Batchenko V.S. (2011). Decree «On Religious Associations» of 1929 and provincial religious communities. *Istoricheskie zapiski*, no. 14, pp. 215–235. (In Russ.)

2. Batchenko V.S. (2017). Regulatory legal acts of the NKVD in religious lawmaking at the turn of the 1920s–1930s. *Vestnik tserkovnoy istorii*, no. 3/4, pp. 305–331. (In Russ.)

3. Shcheglova T.K. (Ed.) (2005). Biysk region: history and modernity. Barnaul, BGPU, vol. 2, 530 p. (In Russ.)

4. Bondarenko S.I. (2018). Cultural and educational work in the countryside in the 1920s. *Uchenye zapiski (AGIK)*. No. 2, pp. 27–30. (In Russ.)

5. Korneva V.Yu. (2012). Grain code in Russian calendar rituals. Tomsk, Tomsk Univ. Publ, 188 p. (In Russ.)

6. Petrenko V.S. (Ed.) (1990). Cultural construction in Altai. 1941–1977: documents and materials. Barnaul, Altai Bk. Publ, vol. 2, 264 p. (In Russ.)

7. Morozov I.A. (2015). Local traditions and changing identities. *Etнографическое обозрение*, no. 2, pp. 5–14. (In Russ.)

8. Lipinskaya V.A. (Ed.) (2016). Traditional culture of the Russian people in the 1920–30s: transformation and development. Moscow, INDRIK, 616 p. (In Russ.)

9. Tultseva L.A. (2011). Ritual-age stratification of peasant communities in the rites of the Middle of the Cross Day (based on field research in 1986–1993). In: *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoyashchemu: sbornik statey i ocherkov*. Moscow, pp. 231–259. (In Russ.)

10. Tultseva L.A. (2011a). Russian holiday and demography in the XX – early XXI centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 64–74. (In Russ.)

11. Tultseva L.A. (2011b). Traditional holidays of the peoples of Russia at the turn of the century: an introduction to discussion. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 3–6. (In Russ.)

12. Tultseva L.A. (2011c). «With the God of Light, everything is done»: the sacred-light space of Russian Christmas time and new generations of the clantribe. In: *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda:*

ot proshlogo k nastoyashchemu: sbornik statey i ocherkov. Moscow, pp. 259–344. (In Russ.)

13. Frolova A.V. (2006). Holidays of the Russians of the Arkhangelsk North in the XX – early XXI centuries (traditions and innovations): diss. abstr. Moscow, 34 p. (In Russ.)

14. Fursova E.F., Vasekha L.I. (2004) Essays on the traditional culture of Ukrainian settlers in Siberia in the XIX – the first third of the XX century (based on materials of Novosibirsk Region). Novosibirsk, AGRO-SIBIR', vol. 1, 190 p. (In Russ.)

15. Fursova E.F. (2019). Main factors in forming the ethnocultural identity (based on the materials of Siberian Russians at the turn of the XIX – XX centuries). In: *Etnoculturnaya identichnost narodov Sibiri i sopredelnykh territoriy*. Novosibirsk, pp. 30–34. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.03.2022

Дата рецензирования 28.04.2022

Статья принята к публикации 05.05.2022